

ПРИМЪЧАНІЯ

на Краткія Грамматическія правила принадлежащія къ знанію Пермтскаго языка, составленныя Протоіереемъ Феод. Любимовымъ.

Не лучшели писать въ оглавленіи и вездѣ просто *Пермскій* языкъ вмѣсто *Пермтскій*?

Предувѣдомленіе III въ конце «Впрочемъ – собою» ошибочно и не ясно. Этотъ періодъ, кажется, можно правильнѣе замѣнить слѣдующимъ: Впрочемъ знающій хорошо одно которое либо изъ двухъ нарѣчій, Зырянское или Пермское, легко, скоро и удобно можетъ изучить не токмо другое, но даже и Вотскій языкъ, хотя сей послѣдній уже больше отклонился отъ первыхъ.

На оборотъ тогоже листа III почти все или слишкомъ коротко, или не довольно основательно, или даже не справедливо. Здѣсь упомянутое преимущество ничтожно, по тому что при Стефанѣ названія *Зырянъ* вовсе еще не существовало. Что же касается до намѣковъ въ мѣстныхъ наименованіяхъ, то я отнюдь не спорю объ ихъ цѣнѣ и важности, но основываться на нихъ только безъ другихъ доказательствъ всегда опасно, и обыкновенно даетъ поводъ къ большимъ заблужденіямъ. Совсѣмъ неприличны подобныя выводы, когда можно производить такія наименованія, и даже естественнѣе, слѣдовательно и правдоподобнѣе, изъ другихъ ближайшихъ языковъ, какъ на пр. здѣсь упоминаемую *Неву*. *Москва* и *Можайскъ* уже и по мѣстности по крайней мерѣ ближе. По всѣму этому я бы совѣтовалъ здѣсь на оборотъ въ связи съ первою страницей писать только такъ: Въ прежнія времена Пермскій языкъ былъ общимъ названіемъ и для Зырянскаго, ибо Святитель Христовъ Стефанъ нарѣченъ Просвѣтителемъ Пермяковъ, хотя имѣлъ главное пребываніе въ Зырянахъ и обратилъ именно ихъ въ Христіанскую вѣру.

Вѣроятно и самый народъ Пермскій въ глубокой древности простирался гораздо долѣе нынѣшнихъ ихъ остатковъ, какъ то можно полагать по нѣкоторымъ слѣдамъ въ наименованіяхъ мѣстъ и рѣкъ настоящаго времени Россіи. Замѣчательно, что даже названія самой *Москвы* и *Можайска* кажутся такими слѣдами обиталищъ древнихъ Пермяковъ.

А въ связи со всѣмъ этимъ въ начале листа IV можно продолжать такъ: [1об.↓] что въ самомъ дѣлѣ народонаселеніе Пермяковъ собою некогда занимало весьма обширное пространство, видно, кажется, и изъ того, что кромѣ Пермяковъ на одно племя въ Россіи и народъ не именуется великимъ. Нынѣ однакожъ племя подъ названіемъ Пермскаго осталось токмо въ Вятск. и Пермской губерніяхъ у реки Камы.

На оборотъ листа IV вмѣсто «многія книги Св. писанія» справедливѣе сказать только разныя книги. См. обстоятельную, обширную и отчетливую о Стефанѣ статью бывшаго ученаго Кіевскаго Митрополита Евгенія въ его Словарѣ историч. о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина Греко-Россійской церкви. Изд. 2^е. Ч. II стр. 230-251.

§ 2. Почему 36 букв? Чѣмъ проще, тѣмъ лучше! Кажется, самое естественное правило для всякой азбуки. А такой простоты и въ Пермской достигнуть можно, если отступить больше отъ русской азбуки въ такихъ случаяхъ, гдѣ она имѣетъ свои недостатки и несовершенства. Къ таковымъ принадлежитъ несвойственное употребленіе буквъ *е* и *э*, которыхъ звукъ нынѣ ужъ одинъ и тотже, кромѣ того что *е* въ разныхъ случаяхъ выговаривается *je* (на пр. *естъ*), что и Авторомъ напрасно внесено въ Пермскія письмена. *И* и *і* также имѣютъ одинъ и тотже звукъ, слѣдовательно въ новой азбукѣ для другаго языка, какъ Пермскій, можно довольствоваться только

одной из них, а именно принимать только простѣйшую *i*. Ъ кажется совершенно излишний знакъ по тому, что ничего не означаетъ. Ю и ъ конечно въ русскомъ алфавитѣ считаются буквами, но какъ буква по настоящему не что иное, какъ простой знакъ простаго звука, а ю и ъ по своей силѣ составляютъ не простые звуки, но цѣлые склады, то я вовсе не допустилъ бы этихъ знаковъ въ новую азбуку, тѣмъ болѣе, что на Русскомъ весьма часто и ъ замѣняется буквою *e*. Я есть точно также цѣлый складъ, и сверхъ того, въ Русскомъ имѣетъ двоякую силу, ибо произносится на пр. въ словѣ *меня* иначе нежели въ словахъ *яма*, *яйцо* и пр. А такія обстоятельства затрудняютъ изученіе языка, вмѣсто того чтобы облегчить оное, и по тому должно избѣгать такихъ неудобствъ при составленіи новой азбуки. По сему-то я предлагаю вовсе исключить ъ, я и ю и въ складахъ всегда употреблять Германское *j*. Такъ на пр. вмѣсто ъ писать *je*, вмѣсто ю *ju*, вмѣсто я (гдѣ она означаетъ складъ, какъ въ словахъ *яма*, *ястребъ* и пр.) *ja*, также вмѣсто принятыхъ Авторомъ *iі*, *iō* и *іы* лутче *ji*, *jo* и *ji*. [21]

Это можетъ при первомъ взглядѣ показаться страннымъ въ особенности тому, кто привыкъ къ одному только Русскому алфавиту; но если принять предложенныя мною измѣненія, то получатся многія значительныя выгоды, азбука подчинится постояннымъ правиламъ, сдѣлается короче, основательнѣе, и изученіе языка черезъ *jo* очень облегчится. Всѣ буквы будутъ тогда, чѣмъ онѣ, должны быть, знаками простыхъ звуковъ, и онѣ удержатъ постоянно и во всѣхъ случаяхъ одну и ту же силу, между тѣмъ какъ въ Русскомъ одинъ и тотже знакъ, въ разныхъ случаяхъ, имѣетъ различныя значенія, илиже на оборотъ одинъ и тотже звукъ, пишется разными знаками, такъ что надобно имѣть особенныя правила и большой навыкъ, чтобы узнать на пр. гдѣ должно писать *e* и гдѣ ъ. По принятію знака *j* можно кромѣ излишняго *i* (замѣняемаго вездѣ однимъ простымъ *i*) совсѣмъ бросить также ъ, звукъ котораго одинаковъ со звукомъ буквы *j*, и слѣдовательно не будетъ нуженъ. Впрочемъ мною предлагаемая буква *j* не нововведеніе: она уже принята и въ напечатанной подъ именемъ Флерова въ 1813 г. Зырянской Грамматикѣ, равнымъ образомъ какъ и въ сочиненномъ устьсыольскимъ Протоіереемъ Шергинымъ и въ 1823 г. напечатанномъ Зырянскомъ переводѣ Св. Евангелія отъ Матфея; но замѣчу, что употребленіе этой буквы *j* въ обѣихъ книгахъ не постоянно и не распространено на всѣ подобные случаи и такъ удержаны напрасно и употреблены буквы ъ ю и я.

Въ обѣихъ книгахъ введена также, и постоянно употреблена новая буква *ö*, которую надобно принять и въ алфавитѣ Пермскомъ вмѣсто необъясненной авторомъ и, какъ видно, не рѣдко съ другими смѣшиваемой э. А сію букву удобнѣе удержатъ вмѣсто предложенной мною къ уничтоженію сбивчивой русской я для звука средняго между *a* и *e* (гдѣ оный подходитъ къ звуку буквы *a* какъ въ словѣ *меня*). А можетъ быть, лучше было для совершеннаго устраненія ошибокъ могущихъ произойти отъ подражанія Русскому, завести, по примѣру буквы *ö*, другуюже новую *ä*. Но и въ первомъ случаѣ Сочинитель долженъ обратить особенное вниманіе читателей на то, что эта буква э въ Пермскомъ всегда выговаривается какъ немецкая *ä*, а никогда какъ *e*.

Г можно также удержатъ безъ введенія новой *g* въ азбуку, когда въ § 3, уже замѣчено, что она никогда не произносится такъ какъ русская *g*, а всегда какъ латинская *g*.

Буквы **цз** и **чж** конечно настоящіе слитные, а все таки простые звуки (не такъ какъ чисто сложные, т.е. склады *ja*, *je*, *ji*, *jo*, *ju*, *ji*), [20б.↓] и потому необходимы. Онѣ соотвѣтствуютъ Зырянскимъ нѣжнѣйшимъ звукамъ слитнымъ *дз* (**дз**), *дж* (**дж**), *ди* (**ди**) и *дти* (**дч**), для которыхъ по настоящему надобно бы имѣть особенныя новыя простыя буквы. Но въ Пермскомъ нарѣчіи вѣроятно нѣтъ столькихъ отмінъ для шипящихъ звуковъ, и въ такомъ случаѣ можно выразить болѣе твердыя шипящія какъ здѣсь **цз** и **чж**.

Есть ли въ Пермскомъ вообще настоящій русскій звукъ ы? А когда есть, то можно вмѣсто послѣдняго знака *yi* удобнѣе по примѣру буквъ *ö* и *ä* завести немецкую *ii* звука которой нѣтъ въ Русскомъ.

И такъ, новая Пермская азбука, безъ излишествъ и безъ недостатковъ, кажется, должна состоять изъ слѣдующихъ письменъ: *a, б, в, г, д, e, ж, з, і, j, к, л, м, н, o, п, р, с, т, у, ц, цз, ч, чж, ш, (ы ?), ii, ä* (или *э*) и *ö*, всего изъ 28 или 29 буквъ.

§ 12. Можно яснѣ сказать просто: Родовъ нѣтъ, и всѣ прилагательныя поставляются безъ всякой перемѣны ко всѣмъ именамъ существительнымъ, на пр. *бур морт* и пр.

§ 15. Не ужели *лыдјета* и *лыдјетысј* значать ‘читаю’ и ‘читающій’ также какъ *лыдја* и *лыдјисј*?

§ 16. На одно склоненіе вмѣсто двухъ конечно можно согласиться, если измѣненія въ окончаніяхъ будутъ достаточно объяснены, какъ здѣсь въ самомъ дѣлѣ отъ части сдѣлано въ примѣчаніяхъ къ таблицѣ на мѣстѣ 7; но принять только 6 падежей несомѣстно съ духомъ Пермскаго языка, который по своему сходству и сродству со всѣми финскими, а частію съ Татарскими языками именно изобилуетъ большимъ количествомъ падежей, почему я и въ ближайшемъ къ Пермскому нарѣчіи Зырянскомъ находилъ себя въ правѣ, полагать до 13 падежей. Всякую Грамматику должно обрабатывать и излагать по особенному свойству и духу того языка, для котораго она пишется, а не принаравливать Грамматическихъ правилъ одного языка къ другому, совершенно отличному по своему составу, каковъ Русскій въ отношеніи къ Пермскому и вообще въ разсужденіи всѣхъ Финскихъ. Слѣдствиемъ такого принаравливанія бываетъ ограниченность и запутанность, какъ и здѣсь на пр. (въ таблицѣ) приписаны винительному падежу, сверхъ его настоящихъ и собственныхъ окончаній, еще и окончаніе *э* (правильнѣе *ө*) и *ас*, окончанія принадлежащія не токмо именамъ, какъ сказано въ примѣчаніи на оборотѣ того листа, но вообще всѣмъ, которыя только допуска-^[34]-ютъ и мѣстныя отношенія. Сіи послѣднія выражаются особенными окончаніями или падежами, и къ нимъ принадлежитъ именно также *ө* въ приведенномъ примѣрѣ *вічкуө муна* ‘я иду во храмъ’, а отнюдь не есть винительный падежъ, который имѣетъ постоянно свои собственные окончанія выставленныя въ прим. 4. На всякій случай означенныя окончанія въ таблицѣ и въ замѣчаніи объ нихъ здѣсь ошибочны и не у мѣста.

§ 18 также вовсе не принадлежитъ сюда, а къ мѣстоимѣніямъ. Окончанія, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, относятся къ такъ называемымъ суффиксамъ или приставкамъ и составляютъ особенный родъ мѣстоимѣний, котораго во все нѣтъ въ русскомъ и въ обыкновенныхъ Европейскихъ языкахъ, гдѣ они замѣняются одними мѣстоимѣніями притяжательными. Напротивъ того они весьма обыкновенны въ Еврейскомъ, въ Турецкомъ и Татарскомъ и въ разныхъ другихъ Азіатскихъ языкахъ, равнымъ образомъ какъ и во всѣхъ финскихъ, хотя въ нѣкоторыхъ изъ сихъ отъ вліянія русскаго суффиксы частію болѣе или менѣе уже потеряны. Такъ и въ Пермскомъ на пр. въ 1^{мѣ} лицѣ, можетъ быть, уже не говорится (или развѣ, только въ отдаленныхъ мѣстахъ женщинами) такъ, какъ слѣдовало бы и безъ всякаго сомнѣнія нѣкогда вообще говорили *aim*, *мамым*, но какъ здѣсь замѣчено *ae* (или *aje*) и *мамө*, что впрочемъ по настоящему собою звательный падежъ, а можетъ быть только пообдуманно здѣсь и внесены вмѣсто настоящихъ выше означенныхъ формъ. По крайней мерѣ во 2 и 3 лицѣ приведенныя *aim*, *aic* и пр. явные, еще существующіе, и настоящіе суффиксы. Они впрочемъ происходятъ отъ личныхъ мѣстоимѣній сокращенныхъ въ окончанія *м*, *т* и *с*, принадлежатъ обоимъ числамъ, единственному и множественному, и имѣютъ же по настоящему свое особенное полное по всѣмъ падежамъ склоненіе, которое должно быть изложено при мѣстоимѣніяхъ.

И такъ слѣдуетъ выключить все что сказано въ самомъ § 18, и составить оный вновь изъ примѣчанія 1, перемѣнивъ его послѣднюю часть для большей ясности такимъ образомъ: но есть и другія слова съ тѣмъ же окончаніемъ, которыя однакожъ не уменьшительны, а коренныя и первообразныя имена, на пр. *ajка* мужъ и *подка* птица.

Примѣч. 2 и 3 тоже здѣсь не умѣстны, а принадлежатъ къ отдѣлѣніямъ о прилагательныхъ и числительныхъ. Прим. 2 впрочемъ относится къ общему правилу совсѣмъ упущенному, что имена прилагательныя, когда употребляются ^[Зоб.↓] вмѣстѣ съ именами существительными, въ противность правилъ русскаго языка, вовсе не склоняются, а склоняется только одно имя существительное.

На оборотѣ листа 6 въ началѣ окончанія винительнаго падежа означены *эс* (*öc*) и *се*, а въ примѣрахъ напротивъ того по большей части писано *сэ* (*cö*). Такіе непростительные недосмотры встрѣчаю^тся и въ другихъ мѣстахъ сей грамматики.

Настоящее окончание звательного падежа, кажется, должно быть *õ*, хотя и иногда сие окончание неправильно отбрасывается, чрезъ что зват. падежъ становится сходнымъ съ именительнымъ.

Творительный падежъ при именахъ кончащихся на мягкую гласную не есть *õn*, а *en*, какъ послѣ справедливо и замѣчено.

Окончания множественнаго числа отъ неумѣстнаго подражанія русскимъ письменамъ, сбивчиво выражены чрезъ *ez*, *ezlæn* и пр. По моему предложенію лучше писать *jez*, *jezlõn* и т. д. Какимъ же образомъ можно иначе знать, что здѣсь другой звукъ противъ винительнаго *es*, а Авторъ пишетъ оба одинаковымъ образомъ!

Примѣчаніе къ примѣру 6 неудобно выражено. Можно бы сказать просто. По сему образцу склоняются также *õn* 'пологъ' и *õm* 'ротъ', или вообще всѣ имена кончащіяся на какую либо согласную букву. Впрочемъ не мѣшало бы и при другихъ примѣрахъ прибавлять подобныя указанія, илиже оставить и 6^й безъ примѣчанія, тѣмъ больше что въ послѣдствіи къ послѣднему примѣру приписано общее къ тому относящееся примѣчаніе. Упоминаемые на концѣ глаголь, сущ. и союзъ и такъ разпознаются однимъ наружнымъ видомъ. На всякій случай приличнѣе примѣчаніе къ примѣру 9.

Въ продолженіи примѣчанія 2 на листѣ 17 Авторъ, кажется, хотѣлъ или долженъ былъ сказать: здѣсь *sy*, хотя соединяется съ предлогомъ (залогомъ), остается въ именительномъ падежѣ. Эта странность впрочемъ происходитъ отъ того, что и слово *дынсән*, замѣняющее русскій предлогъ, по настоящему – имя существительное въ особенномъ падежѣ съ окончаніемъ *-cән*, встрѣчающемся при всѣхъ именахъ, но упущенномъ у Автора, и соотвѣтствующемъ тому, что въ Латинскомъ и въ Европейскихъ языкахъ называется Ablativus, съ тою только разностию, что оной въ Пермскомъ, какъ и въ другихъ финскихъ языкахъ, относится только къ наружности; ибо внутренность выражается другимъ особеннымъ падежемъ (Elativus Выводительный) съ о-[4↓]-кончаніемъ *-ыс* или *-ис*, на пр. *вѣркуыс* 'изъ церкви'. Эти разныя отношенія мѣстности въ двухъ противоположныхъ видахъ между прочими рекомендуемъ дальнейшему размышленію почтеннаго Автора, и тогда онъ надѣмся, увидить, что при Пермскомъ языкѣ должно отступить отъ теоріи русской грамматики и изложить склоненія иначе съ гораздо большимъ количествомъ падежей, какъ то принято въ другихъ съ Пермскимъ болѣе сходныхъ языкахъ.

По всему, что выше сказано о примѣч. 2, легко поправить и слѣдующее 3.

§ 20. Точнѣе развѣ такъ: Склоняются – существительнымъ, но только тогда, когда безъ оныхъ употребляются. Въ противномъ же случаѣ склоняется только одно имя существительное. Прилагательныя безъ родовъ, какъ и существительныя.

§ 23. Примѣч. Развѣ такъ: нарѣчіе *вел* составляетъ уменьшительный видъ. Ибо это не то, что превосходная степень.

§ 24. Основательно ли такое опредѣленіе?? Или просто неправильность безъ всякаго особеннаго означенія?

§ 25 представляетъ о частицѣ *мед* явное противурѣчіе!

Примѣч. 1. «мало согласуются». Вовсе нѣтъ. См. выше, что сказано къ § 20.

Примѣч. 2 почти излишно; ибо такія слова ни въ какомъ языкѣ не допускаютъ сравненія, что и весьма естественно.

Въ § 26 статья о числительныхъ слишкомъ коротка и запутана. Такъ на пр. ни слова о дробныхъ; а что есть, не на своемъ мѣстѣ и не хорошо изъяснено. Что слѣдуетъ на концѣ листа 13 и на листѣ 14, надобно было поставить впередъ, и потомъ уже излагать прочіе разные виды числительныхъ, какъ то дробныя и собирательныя. Къ послѣднимъ имянно принадлежать и здѣсь упоминаемыя *õtnam*, *õtнат*, *õtнас* съ выше означенными суффиксами, *кыкаõс* и пр. Но всѣ эти употребляются не токмо при вопрошеніяхъ и отвѣтахъ, какъ здѣсь писано, но и въ другихъ случаяхъ. Ихъ образованіе тоже ошибочно изложено, что явствуетъ изъ сравненія выставленныхъ правилъ съ самими словами.

Впрочемъ изъ приложеннаго счѣта въ концѣ книги на лист. 46 и слѣд. видно, что 20 также выражаютъ чрезъ *кыз*, 30 иногда *комõн* и т.д.

§ 27. Не выключити темныя прибавочныя слова: «и переводятся – другихъ терминовъ»?

Менѡ, мїѡнѡс и *тенѡ, тыѡнѡс* никакъ не могутъ быть въ родительномъ падежѣ, хотя въ Русскомъ языкѣ, въ этомъ случаѣ, родительный падежъ сходенъ съ винительнымъ. Неужели, что не говорятъ по Пермски *мїѡнлѡн* и *тїѡлѡн*, какъ родит. падежъ еще остался въ Зырянскомъ по крайней мѣрѣ въ [4об.↓] множественномъ числѣ! А въ единственномъ, если уже нѣтъ настоящихъ, можно сказать, что этотъ падежъ замѣняется притяжательными *менам* и *тенат* илиже употребляется и именительный. См. выше листъ 11.

Вообще удобнѣе и приличнѣе раздѣлить и изложить мѣстоимѣнія не по примѣрамъ, а по родамъ, какъ то личныя, притяжательныя (къ которымъ принадлежатъ и суффиксы), вопросительныя и пр. и между оными соблюсти естественный порядокъ. Такъ на пр. притяжательныя (примѣры 9 и 10) по своему качеству ближе относятся къ личнымъ, и должны послѣдовать за сими.

Примѣръ 4. Точноли сїи опредѣлительныя мѣстоимѣнія не имѣютъ падежей творительнаго и родительнаго?

Мимоходомъ здѣсь укажемъ опять на явные суффиксы, относящіеся ко всѣмъ 3 лицамъ.

Точно также примѣръ 5 впрочемъ сбивчиво переводит *аслам* и *аслат* ‘мой’ и ‘твой’ безъ подробнѣшаго объясненія; ибо такъ читатель можетъ сомнѣваться, не ошибали, когда видятъ что *менам* и *тенатъ* тоже означаютъ ‘мой’ и ‘твой’. На всякій случай онъ легко можетъ эти разныя мѣстоимѣнія смѣшивать между собою. Какъ русскій языкъ тоже имѣетъ свои причуды, которыя въ сравненіи съ другими языками покажутся недостатками, то онъ употребляетъ свое возвратное притяжательное мѣстоимѣніе *свой* во всѣхъ 3 лицахъ; Пермскъ напротивъ того съ другими различаетъ всѣ лица различными словами (*аслам, аслат, аслас*), которыя такимъ образомъ, правильнѣе сказать, всѣ соотвѣтствуютъ одному русскому *свой*, и симъ объясненіемъ выше упомянутыя *аслам* и пр. легче различаются отъ просто притяжательныхъ *менам* и *тенат* (‘мой’, ‘твой’).

Уже и по сему сродству такъ называемый примѣръ 5 долженъ занять мѣсто за примѣромъ 10.

Впрочемъ не излишно будетъ обдумать и подробнѣе ислѣдовать и о полагаемыхъ недостаткахъ въ склоненіи сего мѣстоимѣнія (т. е. *аслам*), и о прикосновеніяхъ его съ другимъ опредѣлительнымъ, *ачїм*, предметъ конечно затруднительный и весьма сбивчивый.

Къ примѣру 7 примѣчаніе, кажется излишно.

§ 28. Прошедшаго времени 3^е лицо единственнаго числа также, какъ и въ Зырянскомъ, кончится на *і* (безъ *с*), на пр. въ Евангеліи отъ Матфея II, 16. Вѣроятно обѣ формы употребляются въ Пермскомъ.

Всѣ 3 такъ называемыя Давнопрошедшія времена пере-[5↓]-ведены: *бываль*. Нѣтли между ними какого нибудь различія въ значеніи?

Впрочемъ здѣсь смѣшаны въ одномъ примѣре 2 разл. вида одного глагола, опредѣленный (*быть*) неопредѣленный (*бывать*), изъ коихъ послѣдній имѣетъ тоже свое особенное настоящее время (*бываю*), что совсѣмъ упущено, а его прошедшее время (въ 3^х отмѣнахъ) подъ названіемъ давнопрошедшаго напрасно помѣщено въ спряженіе опредѣленнаго вида, когда надобно бы было изложить оба отдѣльно. По настоящему давнопрошедшаго времени въ пермскомъ языкѣ нѣтъ, а имѣетъ только 3 простыя и самыя естественныя времена: 1) настоящее, 2) прошедшее (общее) и 3) будущее. Развѣ привести еще какъ 4) другое будущее, сложное изъ глагола *понда* и неокончательнаго наклоненія. Одинъ только многократный видъ имѣетъ разныя формы прошедшаго времени.

Развѣ нѣтъ вовсе дѣепричастій для обоихъ видовъ (наст. *будучи* и прош. *бывъ, бывши, бывая, бывавши, побывавши*) и другихъ причастій, прошедшаго и будущаго времени (*бывшій, бывавшій и будущій*)??

Для избѣженія недоумѣній здѣсь уже надобно было замѣтить, что отрицательныя частицы встрѣчаются въ 2 нѣсколько различныхъ формахъ *ог* и *ег*, *он* и *ен* и пр.

Также не худо прибавить въ примѣч. 1, какимъ именно образомъ выражается настоящее время.

Какъ примѣч. 2 относится уже не къ предидущимъ глаголамъ, но къ настоящимъ спряжениямъ, то слѣдуетъ изъ этого примѣчанія сдѣлать новый особенный параграфъ.

А примѣч. 3 совершенно излишно по тому, что все это и безъ предложенныхъ излишнихъ знаковъ видно уже изъ предидущаго §. И самъ Авторъ въ слѣдующихъ примѣрахъ не слишкомъ наблюдать свои знаки. Развѣ только для лучшаго объясненія прибавить къ предложенному новому параграфу сіе слѣдующее; на пр. *муна* ‘иду’ и ‘буду идти’, *мунан* ‘идеши’ и ‘будеши идти’, также *мунам* или *мунамѡ* ‘идемъ’ и ‘будемъ идти’, *мунат* или *мунатѡ* ‘идете’ и ‘будете идти’, но *мунѡ* ‘идеть’, а *мунас* ‘будетъ идти’, *мунѡны* ‘идутъ’, а *мунасны* ‘будутъ идти’.

§ 29. Можно принять (и почти лутче), какъ два склоненія, такъ и два спряженія: 1) твердое, кончащееся на *a*, и 2) мягкое, кончащееся на *ä*, и къ сему послѣднему принадлежать тоже всѣ возвратныя и стра-[50б.↓]-дательныя. Но еслиже довольствоваться однимъ спряженіемъ, то надобно по крайней мерѣ и здѣсь удовлетворительно объяснить перемѣны въ окончаніяхъ.

Въ самомъ спряженіи впрочемъ и здѣсь смѣшаны разные виды; ибо *строиваль* есть такое же прошедшее, какъ и *строилъ*, только другаго глагола *строиваю*. На эти разные виды и роды глаголовъ надобно обратить больше вниманія, и изложить всѣ отдѣльно своимъ порядкомъ.

Такъ и *керѡтны* вѣрно сюда не принадлежить, и едвали значить то, что здѣсь выставлено.

Настоящеи дѣепричастіе *керѡмѡн*, или творительный падежъ производнаго отъ сего глагола имени существительнаго *керѡм* ‘строеніе’?

Нѣтъ ли другихъ настоящихъ формъ дѣепричастій здѣсь и въ другихъ (стр. 26 и 27)?

Толи значить *керлысј*, – по моему причастіе многократнаго вида, т. е. ‘строивающій’? Въ слѣдующемъ примѣрѣ (стр. 27) *керлысј*, называется именно причастіемъ прошедшаго времени! Тутъ-то впрочемъ *керсисј* точно значить ‘строющійся’.

Примѣч. 1. Правильнѣе сказать, что въ Пермскомъ языкѣ одно только прошедшее время, выражающее и совершенное и несовершенное, какъ и въ примѣрахъ хорошо уже означено.

Въ **примѣч. 2** является случайно въ словѣ *керѡм* пропущенное выше въ примѣрахъ причастіе прошедшаго времени страдательнаго залога, и приведенный примѣръ по настоящему значить: ‘я купилъ ново-построенный домъ’.

Конецъ примѣчанія относится къ тому выше упомянутому нами правилу, что прилагательныя не склоняются, когда стоятъ вмѣстѣ съ именами существительными.

Примѣч. 5 вообще очень не ясно, и едвали совсѣмъ вѣрно изложено.

Но гораздо темнѣе еще **примѣч. 6**, и даже не смѣю поправить, по тому что не знаю, каковъ тутъ настоящій смыслъ. *Керала* конечно значить ‘рублю’; но если бы даже сей глаголъ и происходилъ отъ *кера*, къ чему тутъ говорить о возвратномъ залогѣ, когда то и другое чистые действительные? И какую они имѣютъ связь съ возвратнымъ *керсä*, о чемъ послѣ сказано, сперва, что допускается въ насмѣшку, а потомъ, но никогда не употребляется. [6↓] Не хотѣлъ ли Авторъ сказать, что *керсä* никогда не употребляется въ настоящемъ возвратномъ видѣ? Тогда онъ могъ бы начать сіе примѣчаніе съ слова *керсä*, откинувъ вовсе излишнія первыя строки до слова: *рублю*. Но все таки прстранно сперва выставить полное спряженіе особеннаго вида *керсä*, не сказавши ничего о томъ, чѣмъ различается отъ *керасä* (ибо оба переведены ‘строюся’ – и только), и потомъ въ самомъ концѣ объявить, что *керсä* никогда не употребляется.

Вотъ и «другое знаменованіе», на которое намекнулъ сочинитель на стр. 26!

Послѣ этого очень можно сомнѣваться, употребителенъ ли и отрицательный глаголъ *ме ег керсі*. Въ такомъ случаѣ было бы лутче вмѣсто того полнѣе выставить в отрицательномъ видѣ *керасä*, и сей глаголъ сталъ бы яснѣе, нежели онъ оказывается въ примѣч. 5.

§ 30. Глаголъ *муна* вовсе не недостаточенъ, а въ своемъ видѣ совершенно полонъ. Заблужденіе происходитъ отъ того, что и здѣсь смѣшаны разные виды (и залоги?). *Иду* вѣдь совсѣмъ другое, нежели *хожу*. А *ветлѡта*, если не ошибаюсь, ни то ни другое, но совсѣмъ особенный залогъ и именно двойственно-дѣйствительный, котораго слѣды видимъ и въ Русскомъ языкѣ, напримѣръ, *поить* и *напоить*; но въ большей части случаевъ мы принуждены выражать

этотъ залогъ чрезъ присовокупленіе другаго глагола *заставляю* (*заставляю ходить* или *итти*). По крайней мерѣ это должно быть, и безъ сомнѣнія было – а можетъ быть и нынѣ еще есть – настоящее значеніе глагола *ветлѣта*; равно и *лыдѣта* (см. §. 15) не можетъ означать читаю (на это есть *лыдѣа*), но заставляю читать. Надобно подробнѣе вникать въ духъ и свойство глаголовъ и излагать все правильнѣе своимъ порядкомъ.

Кстати о глаголахъ здѣсь еще не излишнимъ считаемъ предложить одинъ вопросъ: нѣтъли сослагательнаго наклоненія въ Пермскомъ? Приведенныя кромѣ *колѣс* или *колѣс* и *колас* еще формы *колсѣс* и *колсѣс*, кажется, слѣды онаго, и тогда *колсѣс* значить по настоящему надобно, должно было бы. Надобно бы было и прежде уже при другихъ глаголахъ подумать объ этомъ.

Тутъ на концѣ не объяснено переводомъ.

§ 31. *Ва* вѣдь по настоящему имя существительное, хотя бы даже и употреблялось когда нибудь какъ прила-[60б.↓]-гательное и нарѣчіе. Надобно выразиться иначе въ вступленіи.

Второеже отдѣленіе сего § совсѣмъ сюда не принадлежитъ, а къ слѣдующей главѣ о такъ называемыхъ предлогахъ, изъ которыхъ многіе, какъ и здѣсь приведенные примѣры, принимаютъ суффиксы.

Если выставить нарѣчія одно за другимъ, какъ здѣсь, то надобно это сдѣлать для удобства по крайней мерѣ въ алфавитномъ порядкѣ, илиже, что лучше всего, раздѣлить нарѣчія по значенію ихъ на разряды по примѣру другихъ лучшихъ Грамматикъ. Сверхъ того опредѣлить значенія съ большею точностію.

Нѣкоторыя изъ выставленныхъ тоже принадлежать къ слѣдующей главѣ. Другія болѣе и даже чисто прилагательныя, какъ напр. означающія свѣтъ, можно безъ вреда выключить и замѣнить другими еще упущенными.

Глава 8 имѣетъ заглавіе о предлогахъ. Сія часть рѣчи такъ называется потому, что употребляется предъ именами; но какъ Пермскій языкъ съ прочими Чудскими и разными другими языками совсѣмъ противнаго свойства, такъ что частицы соотвѣтствующія обыкновеннымъ предлогамъ всегда полагаются послѣ именъ, то и слѣдуетъ называть оныя не предлогами, а залогами или послѣ-положеніями (*postpositiones*). Они не всѣ употребляются съ именительнымъ падежемъ, а тоже съ родительнымъ, какъ видно даже изъ собственныхъ примѣровъ Автора на листѣ 43. И сіе-то употребленіе самое естественное и правильнѣе, отъ чего въ послѣдствіи вышло другое вмѣстѣ съ тѣмъ неправильное – черезъ сокращеніе. Къ тому вѣроятно способствовало и то обстоятельство, что такъ называемые Пермскіе предлоги сами собою не что иное какъ имена существительныя, хотя и такое ихъ происхожденіе по большей части сдѣлалось теперь почти незамѣтнымъ. Изъ этого-то обстоятельства между тѣмъ объясняется 1) ихъ употребленіе съ суффиксами и кромѣ того 2) ихъ постоянная перемѣна въ сходныхъ между собою окончаніяхъ, т.е. они склоняются.

Такъ напр. *выл* настоящее имя существительное означающее ‘верхъ’, отъ чего въ падѣже Мѣстномъ (*Locativus*, на вопросъ гдѣ?) *вылын* ‘въ верху’ или ‘на верху’ и потому ‘на, надъ’, а *вылѣ* ‘на верхъ’ (на вопросъ куда?) падежъ Вводительный (*Illativus*); съ суффиксами *вылам*, *вылат*, *вылас*, ‘на верхъ меня, тебя, себя’ т.е. ‘на меня’, ‘на те-[7↓]-бя’, ‘на себя’. Также *улт* (или по настоящему *ул*) значить ‘низъ’, въ Мѣстномъ падежѣ *ултын* ‘въ низу’ т.е. ‘подъ’, въ Вводительномъ *ултѣ* ‘в низъ’, ‘на низъ’, съ суффиксами *ултам*, *ултат*, *ултас*. Отъ *дор* происходятъ такимже образомъ *дорын*, *дорѣ* и *дорам*, *дорат*, *дорас*; отъ *дын* *дынын*, *дынѣ* и *дынам*, *дынат*, *дынас*, а *дынысѣ*, и *дынсѣнѣ* еще другіе падежи, именно на вопросъ откуда? Выводительный (*Elativus*) и Отводительный (*Ablativus*). Ср. выше нами примѣчанія къ § 18). Сіи падежи могутъ быть употребляемы отъ части и другихъ, на пр. *вылысѣ* ‘изъ верху’ и *вылысѣнѣ* ‘отъ верху (съ)’.

Такіе точно настоящіе падежи встречаются при всѣхъ вообще именахъ существительныхъ, на пр. *вічку* ‘церковь’ имѣетъ: на вопросъ куда? въ Вводительномъ *вічкуѣ* ‘въ церковь’, на вопросъ гдѣ? въ Мѣстномъ *вічкуын* ‘въ церкви’ и на вопросъ откуда? въ Выводительномъ *вічкуысѣ* ‘изъ церкви’ и въ Отводительномъ *вічкусѣнѣ* ‘отъ церкви’. Почтенный Авторъ не вникалъ подробно въ сей предметъ, и оттого неудовлетворительно изложилъ ни склоненія, ни такъ

называемые имъ предлоги, смѣшаль одно съ другимъ, и нерѣдко даже сбивался въ формахъ и въ ихъ значеніяхъ.

Такъ на пр. *вылам* и пр. никогда не значить ни ‘съ’, ни ‘противъ напротивъ’, хотя и можетъ иногда случаться, что такъ кажется. А *весјтам* и пр. точно значить ‘противъ’.

Послѣднія формы обоихъ залоговъ употребляются не въ одномъ множественномъ числѣ.

Дор и пр. переведены ‘къ’, ‘въ’, ‘на’, ‘по’, ‘подль’ и ‘за’, хотя есть другіе залоговъ для сихъ предлоговъ болѣе соотвѣтствующіе. По приведеннымъ примѣрамъ конечно кажется, будто *дор* и пр. имѣютъ столько различныхъ значеній; но эта странность исчезнетъ, если вникнемъ въ коренное и первобытное значеніе этого имени существительнаго, и выведемъ изъ онаго мнимыя, перемѣны.

Саин, сајат, сајас правильнѣе, кажется, можно переводить ‘вмѣсто’ (‘вм. тебя, себя’); а *кам, кат* и пр. весьма сомнительны; но какъ не приведены примѣры, то я и не въ состояніи сказать объ нихъ больше.

Нам и пр. также верно не предлогъ (залогъ); ибо на предлогъ ‘съ’, ‘со’ есть свой соотвѣтствующій залогъ *кѣт*, какъ и переведено справедливо. *Ванам* и пр. кажется, не что иное, какъ творительный падежъ съ присоединенными суффиксами, и потому сокращень [7об.↓] вмѣсто *ваѣнам, ваѣнат* и т.д.

Какое нибудь недоразумѣніе такъ же произвело на оборотѣ листа 41 длинную и претранную статью о *ным нѣт нѣс*, которыя объясняются сомнительнымъ уже, какъ сказано выше, мнимымъ предлогомъ *кам*. Въ приведенныхъ примѣрахъ я и здѣсь не вижу никакого залога, а одни только обыкновенныя частицы, замѣняющіе мѣстоимѣнія притяжательные суффиксы, присоединенные къ имени.

Очжѣм и пр. по настоящему вводительные падежи, а не мѣстные, какъ здѣсь переведены ‘предо мною, тобою’ и т.д. А Мѣстный падежъ есть *очжын* дѣйствительно употребляемый со всѣми лицами и не въ одномъ только множественномъ числѣ. Авторъ переводитъ *очжын* ‘предъ нами’ (!), что, кромѣ означенной ошибки въ отношеніи числа, въ явномъ противуречіи съ слѣдующимъ. Вообще онъ не правильно ограничиваетъ употребленіе подобныхъ формъ на одно множественное число.

Листъ 45. Примѣчанія общія на склоненіе именъ и спряженіе глаголовъ лучше раздѣлить и помѣстить непосредственно въ концѣ примѣровъ склоненія и спряженія.

Весьма не худо было бы подробно и отдѣльно обработать и синтаксисъ или словосочиненіе, или по крайней мерѣ прибавить больше примѣровъ, относящихся ко всему въ грамматикѣ выставленному, въ систематическомъ порядкѣ, и наконецъ хоть нѣсколько примѣровъ и многословныхъ предложеній съ надлежащимъ переводомъ.

А. Шѣгренъ